

ЛЯМАН БАГИРОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Море, рыба, Бог, добро, или Ирония судьбы: Д'Актиль и В.Киршон

Моя бабушка по матери обладала тремя несокрушимостями! Несокрушимой энергией, несокрушимым спокойствием и несокрушимой иронией. Любимым ее присловьем было: «Собака лает – караван идет!» Высказывалось оно практически в любой жизненной ситуации и подкреплялось небрежным взмахом руки. Рука была рабочая, испещренная сеткой морщин, но породистая. И старинные кольца так ладно обхватывали длинные пальцы. Караванов по жизни моей бабушки, видно, прошло немеряно, и собаки целыми сворами неслись за ними, но в этих перипетиях она сохранила изумительную стойкость духа, да незамысловатую истину: *«Собака лает – караван идет!»*

Впрочем, иногда она произносила задумчиво, будто внутрь себя: *«Сделав добро – брось его в море: рыба не поймет, а Бог оценит»*. Смысла этих слов я не понимала: меня очень веселила не блещущая умом некая рыба, а вот про то, что Бог что-то оценит – было вообще за гранью моего разума.

Куда интереснее было наблюдать, как бабушка выращивает цветы или ставит химические опыты. Она была химиком, любила свою профессию глубоко и страстно, и небольшая веранда в ее доме была вечно уставлена ящиками с колбами и пробирками и вазонами с цветами.

– Вот смотри, – серьезно наставляла она меня, – прежде чем посадить цветок, непременно раскроши в ямку кусочек хлеба, неважно, какого. Но хлебушек нужен, чтобы земля приняла растение, и тогда оно будет хорошо расти и радовать тебя цветением.

Не поверить этому было трудно – бабушкина веранда весной и летом напоминала райский сад. Пламенели настурции, выглядывали из-под толстых стеганых листьев фиалки – синие, фиолетовые, розовые, белые. Фуксии низко клонили головы под цветами-сережками, пестрели вербены, одуряюще пахли гиацинты. На смену этому великолепию заступали мелкие розы – белые, розовые, алые. Они оплетали оконную решетку и тянули свои ветви к бабушкиному дивану. Тот всегда был покрыт узорчатым ковром, и оттого казалось, что бабушка восседает на своем троне под балдахин из роз. Да она и была для меня принцессой из «Тысячи и одной ночи», а ее дом полон загадочных чудес.

Ну разве не чудом было обнаружить в тайниках бабушкиного раскладного дивана пластинку с записью голоса Есенина?! Правда, эта пластинка 1924 года скворчала и шипела как сотня сковородок с жарящейся картошкой, и сквозь шипение иногда прорывался тонкий визгливый голос: «Пр-пр-роведите, прр-роведите меня к нему – Я хочу-у видеть этого человека!». Уже одно то, что эта пластинка была выпущена еще при жизни поэта, наполняло меня гордостью за бабушку! Знай, мол, наших! Ни у кого такой нет, а у нас есть!

Были и другие ценности. Опять пластинка, на сей раз с речью Ленина на 3-м съезде комсомола. Но там вообще ничего нельзя было разобрать: картавый голос вождя мирового пролетариата то и дело прерывался бурными аплодисментами молодых строителей коммунизма.

Медный рубль 1919 года. Ух, и недоброй памятью вспоминала я его! Бабушка считала этот тяжелый позеленевший кружок панацеей от синяков, и стоило мне удаться, сразу заботливо прикладывала его к ушибленному месту. Мало того, что он был очень тяжелый, так с ним и не двинешься никуда! Приходилось сидеть смиренно.

Чугунный Мефистофель с длинным хвостом, больше похожий на упитанную черную мышь средних размеров. Сувенир этот бабушка привезла из Петрозаводска и использовала в качестве пресса, чтоб не разлетались страницы ее бесчисленных статей. Мефистофель скалил зубы и довольно щурил глаза – наверно, химические термины были ему по душе.

И снова пластинка. Ею бабушка, пожалуй, дорожила больше, чем визгливым Есениным и картавым вождем мирового пролетариата. Маленькая, с поблекшей надписью в середине и царапкой на одной стороне. На пластинке были записаны две песни. Вернее, два ромansa. Но о понятии «романс» я узнала гораздо позже. Это были «Две розы» на музыку С.Покрасса и стихи Д'Актиля и «Я спросил у ясеня» на музыку М.Таривердиева и стихи В.Кирсона. Если вторая композиция была немного известна благодаря рязановской «Иронии судьбы», то первая вообще – тайна за семью печатями! Мне ничего не говорили имена С. Покрасс и тем более Д'Актиль и В.Кирсон. Честно говоря, я вначале подумала, что это какая-то аббревиатура. Ни одно имя, кроме М.Таривердиева, не было мне известно.

Но отчего-то, слушая два эти ромansa, бабушка неизменно повторяла свою поговорку о добре, которое надо бросить в море. Слушала она их, закрыв глаза, и веки ее подрагивали, словно у птицы. В эти минуты мне казалось, что бабушка когда-нибудь так и уйдет навсегда, сидя на своем ковровом троне в окружении цветов, реторт и пробирок. И вкрадчивый тихий голос будет напевать:

*Одна из них, белая, белая,
Была как улыбка несмелая,
Другая же алая, алая,
Была как мечта небывалая.
И обе манили и звали,
И обе увяли...*

*Одна из них, грустная, грустная,
Была как свирель безыскусная,
Другая же – странная, странная,
Какая-то вечно обманная.
Увяли, конец, не цвести им уж вновь,
А с ними увяла и чья-то любовь.*

Но пока, слава Богу, бабушка была жива и здорова. Дослушав романс, она царственно вставала с дивана и переворачивала пластинку. Тут уже лились более знакомые звуки:

*Я спросил у ясеня,
Где моя любимая?
Ясень не ответил мне,
Качая головой.*

*Я спросил у тополя,
Где моя любимая?
Тополь забросал меня
Осеннею листвою.*

*Я спросил у осени,
Где моя любимая?
Осень мне ответила
Проливным дождём.*

Окончив слушать, бабушка аккуратно убирала черный диск в конверт и прятала подальше от глаз. Потом заваривала крепкий чай, делала большой глоток и только тогда произносила, будто роняла в вечность, слова о добре, море, неблагодарной рыбе и понимающем Боге.

Все мои мольбы объяснить, к чему это выражение, разбивались о каменную стену. Бабушка молча поджимала губы и переводила разговор на другую тему.

Через много лет, когда не было и бабушки, и единой страны, в которой она прожила всю свою нелегкую жизнь, мне удалось проникнуть в тайну загадочных имен Д'Актиля и В.Кириша.

Д'Актиль – настоящее имя **Анатольи Адольфович Френкель** – советский поэт-песенник, писатель-сатирик и переводчик. Родился в 1890 году в Иркутске. Жил и работал в Ленинграде. Из блокадного города в 1942 году был вывезен в Молотов. Там и умер, и был похоронен на местном кладбище.

Сейчас его имя почти никому не известно. Его стихи, положенные на музыку выдающимися композиторами, ушли в народ и обрели долгую жизнь. Но участью человека, Анатолия Френкеля – стало забвение. О нем известно совсем немного. Однако Анатолий Адольфович относился к себе с неизменной иронией. Он, скорее всего, высмеял бы тему своего вклада в историю и навсегда бы закрыл ее.

Анатолий Френкель начал печататься с 1910-х годов в Петербурге – в юмористических изданиях. Организовывал и редактировал сатирические журналы, работал в агиттеатре.

В 1940 году на экраны СССР вышел фильм «Светлый путь» с Любовью Орловой в главной роли. Знаменитый «Марш энтузиастов», звучавший в нем, был создан на стихи Анатолия Френкеля.

Песня была очень популярна в годы Великой Отечественной войны, поднимала дух на фронте и в тылу. Ее исполняли в концертных залах блокадного Ленинграда. Дунаевский потом еще не раз обращался к стихам Д'Актиля. Песню «Звать любовь не надо» Исаак Осипович посвятил актрисе Лидии Смирновой. Их роман был красивым, долгим и драматическим. И песня на слова Д'Актиля выразила всю его страсть и нежность.

В довоенные годы Д'Актиль брался за любую работу – писал водевили, маленькие пьесы, либретто для оперетт, много лет сотрудничал с Ленинградским мюзик-холлом. Там же он познакомился с Леонидом Утесовым и создал знаменитые песни – «Пароход», «Му-му», «Тайна».

В 1935 году во Франции появилась песенка «Все хорошо, мадам маркиза». Автором оригинального текста и музыки является Поль Мисраки, аранжировку сочинил джазмен Рэй Вентура. По одной из версий, на русский язык эту шуточную историю перевел Анатолий Френкель. Песня «Прекрасная маркиза» стала визитной карточкой Леонида Утесова.

Анатолий Френкель слыл очень гостеприимным и хлебосольным человеком. В его дом приходили многие знаменитые люди. Но среди них Анатолий Адольфович не тушевался, а наоборот, слыл очень образованным человеком. Как говорили друзья и коллеги, выделялся даровитостью, свободно владел несколькими языками. Он ценил силу эзопова языка, иносказания. Поэтому и взялся за перевод близких себе по духу писателей – Джека Лондона, О'Генри. Д'Актиль перевел на русский «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла.

Его называли гением метаморфозы. Он получил известность в первые годы Советской власти как автор «Марша конников Буденного» на музыку тоже Покрасса, только уже не Самуила, а Дмитрия (Вообще, удивительная фамилия. Все три брата Покрасса – Самуил, Дмитрий и Даниил были композиторами, а четвертый, Аркадий – пианистом и аккомпаниатором).

Марш конников Буденного был таким знаменитым, что его распевали не только взрослые. Под эту бравурную музыку маршировали детсадовцы. Иногда даже младенцев укачивали под его звуки!

*Мы – красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ:
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо и смело в бой идём!*

В Гражданскую войну Д'Актиль служил в Политотделе Первой Конной Армии. Впоследствии о нем писали.

«Гражданская война породила множество приспособленцев, но далеко не все из них могли сочетать запредельную гибкость с несомненными литературными способностями».

А литературных способностей у Д'Актиля было много. И талант был искренен и многогранен. Иначе наряду с «Маршем конников» он не написал бы изумительные стихи романсов «Изумруд», «Вам девятнадцать лет» и, конечно, «Две розы», столь любимые моей бабушкой...

***

Судьба второго автора – **Владимира Киршона** – оказалось более насмешливой и трагической. Если бы Эльдар Рязанов не включил в свою бессмертную «Иронию судьбы или с легким паром» песню «Я спросил у ясеня», то ее автора, Владимира Киршона, сейчас помнили бы только литературоведы – специалисты по советской литературе первой половины XX века. Обычные читатели его вообще не знали бы – настолько посредственными были его пьесы. А те, кто знал Киршона лично, не захотели бы и вспоминать о нем вообще. И вот почему...

В конце 1920-х годов имя драматурга Владимира Киршона гремело в литературной и театральной среде. Он не был талантлив, не был даже особо даровит, но, что называется, умел держать руку на пульсе времени. Умел мастерски пробиться в управления писательских организаций и редакций журналов, умел создать себе «хорошую» репутацию, умел продвинуть пьесу, умел заводить связи с нужными людьми и в нужный момент.

Драматург Александр Афиногенов так отзывался о коллеге: «Воплощение карьеризма в литературе. Полная убежденность в своей гениальности и непогрешимости. Он мог держаться в искусстве только благодаря необычайно развитой энергии устраивать, пролезать на первые места, бить всех своим авторитетом, который им же искусственно и создавался».

Киршон вырос в семье революционеров. Во время Гражданской войны еще гимназистом сбежал в партизанский отряд, дошел с красными до Владикавказа. В 1920 году в возрасте 18 лет стал членом РКП(б).

В 1924 году оказался в комиссии по созданию знаменитого литературного объединения РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), попал в секретариат.

И при этом – внимание! – сразу завел дружбу с Николаем Ежовым, будущим наркомом НКВД, и стал искать одобрения своих произведений у самого Сталина.

Ходил анекдот, что однажды Киршон побывал на приёме у Сталина и спросил у того о впечатлениях от недавнего спектакля по своей пьесе «Хлеб». Сталин пыхнул трубкой и равнодушно ответил: «Не помню. Вот одиннадцать лет назад я смотрел «Коварство и любовь» Шиллера – помню до сих пор. А вашу пьесу – не помню».

Киршон напрямую пользовался властью, попросту устраняя с дороги «конкурентов». О том, что происходило в писательских кругах, докладывал Сталину. Письма вождю начинались так: «Считаю обязанным довести до Вашего сведения...» или «Я обязан сообщить Вам...».

Кстати, делал он это не тайком, не воровски, а писал открыто, предварительно разгромив на собрании очередного оппонента. Михаила Булгакова Киршон буквально травил, прямо называя его в статьях классовым врагом.

С началом Большого террора Владимир Киршон стал ещё чаще писать письма, но уже исключительно в НКВД. Он не мог и предположить, что в 1937 году начнут травить его самого, обвиняя в троцкизме, и в конце концов арестуют.

Чтобы сохранить себе жизнь, Киршон написал четыре послания Сталину с раскаянием и мольбами о помиловании. Письма так и остались без ответа.

Имя В. Кирсона было включено в расстрельный список. Он был казнен 28 июля 1938 года. Ему было всего 35 лет.

Впрочем, его немного обесмертил Михаил Булгаков, который написал с Кирсона несколько литературных героев. Это, в первую очередь, предатель Иуда из романа «Мастер и Маргарита». Но, в отличие от Кирсона, Булгаков был более благороден. Узнав об аресте своего врага, Михаил Афанасьевич наотрез отказался выступить с разоблачительной речью.

Многочисленные и насквозь идеологические пьесы Владимира Кирсона были напрочь вычеркнуты из репертуаров театров. Из истории литературы было вычеркнуто и само его имя. Реабилитировали его в 1955 году, но творческое наследие было полностью забыто.

Однако ее величество Судьба не была бы самой собой, если бы не умела усмехаться. И неизвестно, чего больше в ее усмешке – иронии или милосердия. Наверно, все же второго... Владимир Киршон подарил людям чудесное стихотворение – «Я спросил у ясеня». Не беда, что было задумано оно как ироническое, и Тихон Хренников – автор музыки к первой песне на эти стихи – позднее отмечал в интервью, что его мелодия более веселая, чем таривердиевская, ведь «стихотворение-то ироническое».

Факт остается фактом. В историю вошла именно таривердиевская версия песни. И благодаря Эльдару Рязанову имя Владимира Кирсона не забылось окончательно. Упоминается хотя бы в связи с его бессмертным ясенем...

***

Кажется, именно после того, как я прочла об авторах этих двух романсов – Анатолии Френкеле (Д.Актиле) и Владимире Киршоне, мне стал понятен смысл бабушкиной поговорки о добре, рыбе и Боге. Оба поэта, чьи имена практически стерлись из истории литературы, все же успели сделать добро. Создали дивные стихи, на которые потом была написана музыка.

Letum non omnia finit – со смертью не все кончается. И позабытые поэты живы в своих стихах. Стихи эти не поглотили летейские воды. Они упали в море человеческой памяти и стали песнями. И если, слушая их, люди не вспоминают (и даже не догадываются) об авторах слов, так ли уж это важно?.. Ведь сделав добро, надо бросить его в море: рыба не поймет, а Бог оценит...

Примечание: При написании эссе использованы материалы из книги Э.Рязанова «Грустное лицо комедии», воспоминания о съемках фильма И.Авербаха «Объяснение в любви» и материалы из интернета по теме. Автор выражает огромную благодарность за предоставленные материалы.

*P.S. Сейчас только узнала об уходе Андрея Мягкова. Интеллигентнейший человек, интеллигентнейший актер, с мягкой (вот уж действительно, магическая игра слов!) и в то же время очень серьезной манерой игры. Передают последнее интервью Андрея Васильевича и за кадром звучит «Я спросил у ясеня...»
Ирония судьбы...*

Лампа под зеленым абажуром

В мае этого года исполнилось 130 лет со дня рождения одного из самых загадочных писателей русской литературы. Имя его до сих пор овеяно ореолом мистики.
Конечно, Михаил Булгаков...

«Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина».

«Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо, что он иногда внезапно смертен – вот в чем фокус...»

«Потому что Аннушка уже купила подсолнечное масло и не только купила, но даже разлила...»

«Умоляю, поверьте хоть на прощание, что дьявол существует».

Этот роман многие называют самым неоднозначным русским романом XX века. И этот роман – о дьяволе. А вот почему Булгакову, чтобы описать все противоречия современной ему действительности, потребовался именно дьявол, это уже другой вопрос.

Про Михаила Булгакова говорят, пишут, рассуждают и фантазируют. Мистика, чертовщина, черная магия – эпитеты его творчества. Что правда, что вымысел – уже не разберешь.

Была весна 1969 года. Именно на это время пришлась первая публикация романа «Мастер и Маргарита».

В тот день на Новодевичье кладбище пришел молодой человек. Отыскав могилу Булгакова, он увидел огромный черный камень. Так называемая голгофа. Раньше она лежал на могиле Гоголя. А когда к гоголевскому юбилею сделали новый памятник, вдова Булгакова купила эту голгофу с крестом и перенесла на могилу своего мужа.

Однажды Булгакову приснился сон, где он обратился к Гоголю со словами: «Учитель, укрой меня своей чугунной шинелью».

Все сбылось. Шинель Гоголя теперь укрывает могилу Булгакова.

В тот день перед этой голгофой стоял журналист из Ленинграда Владимир Невельский. Купил цветы, пошел и положил на этот камень. И когда он повернулся уходить, его окликнула женщина. Это была жена Булгакова. Она попросила его адрес и номер телефона. Он очень удивился. Через несколько дней пришел денежный перевод, как выяснилось, от нее. И раздался телефонный звонок вслед. Оказалось, что в завещании своем Булгаков написал, чтобы первому, кто придет на его могилу после публикации романа, была выплачена половина гонорара. Елена Сергеевна так и поступила.

Истории уже больше полувека. Но каждый день на кладбище приходят поклонники Булгакова, и гиды увлеченно ее пересказывают.

Владимир Невельский растерялся. Он не знал, что делать с такой большой суммой. Но потом, посоветовавшись с отцом, он купил катер и назвал его «Михаил Булгаков».

Мистика, провидение, совпадение, волшебная сказка, благодарность?.. Или рука Судьбы... Или Булгаков и после смерти вовлекает в свое творчество новые и новые поколения?..

Когда было столетие Булгакова, в Киеве, в 1991 году, масса людей – булгаковедов, научной общественности – пришла на Андреевский спуск, дом 13.

15 мая 1991 года. Жара была страшная в Киеве, над городом было даже не золотое, а медное солнечное марево. Каштаны от жары облетали. В два часа дня стали торжественно открывать музей. И в тот момент, когда будущий директор музея произнесла фразу: *«И вот сегодня мы открываем двери дома Мастера...»* с совершенно ясного солнечного голубого неба раздался два удара грома, один за другим. Это слышали все, кто собрался.

Мистика судьбы. Сейчас мы затвердили эту фразу применительно к Булгакову. А в 1891 году началась просто судьба.

Был трагизм юности, связанный с тем, что его воспитывали и готовили совсем для другой жизни, чем та, которую он прожил. И то, что его бросили именно в эту эпоху, отразилось на нем болезненно. Но если бы не было этой болезненности, то, возможно, и не было бы такого феерического творчества.

«Моя любовь – зеленая лампа и книги в моем кабинете». Лампа с абажуром зеленого цвета – это символ детства, большой любящей семьи, братьев и сестер. Отец, пишущий за столом, заботливая, вечно хлопочущая мать. Это образ мира, от которого только и остался, что образ в памяти, когда сам мир исчез навсегда.

«За что ты гонишь меня, судьба?.. Почему я не родился сто лет тому назад? Или лучше – через сто лет. А еще лучше, если бы я вообще не родился...»

Эти слова Булгакова словно считаны с древнегреческих трагедий. Каким-то античным ужасом, беспредельной болью веет от них.

С 1917 по 1920 годы Киев пережил 18 переворотов: большевики, немцы, петлюровцы, сторонники гетмана Скоропадского, снова большевики, денкинцы, поляки и снова большевики. До лампы ли под зеленым абажуром сейчас?..

На глазах Булгакова вся его Атлантида, весь его заботливо лелеемый и хранимый мир, все нежно любимое ушло на дно и больше никогда не появлялось. Ему ничего не оставалось, как все, с чем он был любовно, кровно связан, описать в слове. И он это сделал. Он поднял эту Атлантиду со дна своей памяти и отразил в творчестве.

В начале творческого пути свою личную жизнь Булгаков описывал мало. На то были причины.

Когда они познакомились, ему было 17, и еще год предстояло учиться в гимназии. Ей – неполных 16. Она приехала из Саратова погостить у киевской тетушки.

Спустя пять лет студент-медик и Тася – Татьяна Николаевна Лаппа – обвенчались.

Трагичной была его юность, первая женитьба и аборт, который делает невеста буквально накануне венчания. Увлечение наркотиками, вначале баловство, потом уже пристрастие. И вообще история его докторства в Смоленской губернии, которую он так красочно описал в «Записках врача», была на самом деле до ужаса тяжелой и беспросветной.

Татьяна была рядом всегда. И когда пробовала кокаин и морфий, и когда держала руки и ноги, которые он ампутировал в госпитале в 1-ю мировую, и когда вдвоем изнывали от тоски в земских больницах.

Ее самоотверженность и верность объяснялась только одним – она любила. Но, к несчастью, любила слишком отчаянно и сильно и, увы, плохо разбиралась в литературе. А начинающему писателю нужен был еще и интеллектуальный партнер.

Он бежал и хотел сбежать навсегда в эмиграцию, где уже были два его брата. Юг России, Владикавказ, контузия, тиф, первая публикация, белые, красные.

Это был его собственный бег, который потом будет оформлен в пьесу... Но тот «Бег» будет вдохновлять уже совсем другая женщина.

В роли эмиграции выступила Москва. В Москву Булгаков пришел пешком, не было денег. Шел около двухсот верст по шпалам, устроился работать репортером, потом фельетонистом в газету «Гудок». Медицину забыл навсегда, как кошмарный сон, полный стонов, крови и гноя.

«Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем. Пришлось взять у дядьки немного муки, постного масла и картошки. Валенки рассыпались».

Глупо рассуждать, почему сходятся и расходятся мужчина и женщина. Это великая тайна, и любовь, что движет солнце и светила, никогда не раскроет ее. Но предположения все же можно сделать.

Булгаков всю жизнь искал очень сильную женщину, способную не только понять, простить, подставить плечо, но и вовремя направить и вдохновить, а если надо, и подстегнуть, и взять инициативу на себя. Татьяна Николаевна признавалась в конце жизни с обидой, не зажившей за многие десятилетия, что Булгаков кинул ей в сердцах, когда они приехали в Москву: *«Ты – слабая женщина. Не могла меня вывезти».*

Это было, когда белая армия отступала. Татьяна Николаевна недоумевала: *«Как же я могла его вывезти? Он ведь в горячке метался, два врача мне говорили: «Вы что, хотите его довести до Казбека и похоронить?»»*

Чтобы вселиться в квартиру родственника, Булгаков написал письмо Ленину, добился встречи с Крупской. Она собственноручно написала: *«Прошу дать ордер на совместное жительство».* Так Булгаков и Тася поселились на Большой Садовой, 10, в квартире, которая потом станет **«нехорошей»**...

Он был совершенно человеком не из этой эпохи, не мог вообще в ней раствориться. Его спасало только творчество. И это была такая мощная энергия, такая важная миссия, исполнение которой и держало его на плаву, заставляя забывать и о голоде, и о холоде, и о страхе, и о ненависти.

А вот так это было в романе, в той другой реальности, которую он создавал.

«Надо сказать, что квартира эта давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией... И вот два года тому назад начались в квартире необъяснимые происшествия: из этой квартиры люди начали бесследно исчезать. Ну, а колдовству, как известно, стоит только начаться, а там уж его ничем не остановишь... Об исчезнувших и о проклятой квартире долго в доме рассказывали всякие легенды».

Всю бытовую склочность этой квартиры, весь тяжкий пестрый быт он, шагнущий из теплого и уютного дома на Андреевском спуске в Киеве, из дома с лампой под зеленым абажуром, виртуозно описал в романе, фактически привязав его действие к этой квартире.

Легенды про этот дом и нехорошую квартиру рассказывают до сих пор. Жильцы дома просыпаются то от цокота копыт, то от навязчивого скрипа, то от шагов в квартире, когда в ней никого нет, то отключенная от питания сигнализация срабатывает. Ощущение, когда кто-то на тебя смотрит даже на лестнице – самое обыденное в этом доме. Когда прокладывали теплотрассу во дворе, то из-под земли извлекли череп. Такого еще не было. словно неведомая Аннушка снова разлила вечное масло...

В 90-е годы, когда дом расселили из-за аварийного состояния, его облюбовали хиппи и вообще чуть не спалили.

Сегодня на Большой Садовой, в «нехорошей квартире», – музей. И не один, а целых два. В двух разных подъездах. Вполне в духе Булгакова. *«Это моя свита, и свита эта требует места»*...

И из «нехорошей квартиры», и из жизни верной Таси Михаил Афанасьевич удался в 1924 году. Его ждала сильная женщина, к тому же входящая в литературный мир. Все, как он и хотел. Любовь Евгеньевна Белозерская.

Познакомились они, как и полагается писателю и уже бывшей супруге издателя Ильи Василевского, на вечере редакции газеты «Накануне». А потом встретились на улице случайно. Такое бывает не только в романах, но и в жизни. Иногда достаточно всего лишь одной встречи. Ну, и естественно, хорошей погоды. И вот уже можно подыскивать квартиру не только для совместной жизни, но и для совместного творчества. Идея сочинять пьесы и рассказы вместе увлекла обоих.

В 1927 году Михаил Булгаков и Любовь Белозерская арендовали квартиру на Большой Пироговской, 35. После скитаний по углам, комнатам, каморкам, они впервые сняли отдельную квартиру.

Булгаков писал, что с каждым днем буквально влюблялся в свою жену все сильнее и сильнее и буквально питался ее воспоминаниями, как писатель. Эмиграция, граница, Константинополь, Париж, возвращение в Россию, бег... Он жадно ловил каждое ее слово.

Вообще эту булгаковскую склонность натаскивать себя на впечатления заметил еще К.Г.Паустовский и описал ее в «Повести о жизни», когда Булгаков только для того, чтобы запомнить, как хрустит и искрится снег в сугробах и большие пни спят, словно укрывшись снежными шапками, не поленился выйти из дому в суровый мороз и проделал большой путь до леса.

Впечатление от Любви Евгеньевны было сложным и неоднозначным. Было ясно, что она много пережила и перевидала на своем веку, и увиденное крепко врезалось в память. Ей очень трудно пришлось в Константинополе, она хваталась там буквально за любую работу. В Париже была кем-то вроде шансонетки. Молодость была тяжелая, а когда она приехала в Москву, то, по рассказам подруг, Ильей Василевским была произнесена фраза: вот, мол, я тебя привез и – до свидания!

Она осталась одна, без жилья, без средств к существованию. Перебивалась случайными заработками. И вот – встреча с Булгаковым. Судьбоносная для обоих. И снова стал казаться, что счастье возможно, что свет лампы под зеленым абажуром обещает покой и уют. И конечно же, счастье вновь проявило свое классическое свойство: оно было недолгим.

Любовь Евгеньевна прожила на Большой Пироговской, 35 до самой смерти. Ее до сих пор помнят соседи и особенно соседки. Вспоминают, что это была женщина высочайшей культуры, деликатности и гостеприимства и очень любила кошек. Но жильцы были против, чтобы она держала их в доме, по-дружески и она всех привечала и была ко всем предельно внимательна.

Она рассказывала о том, как у ее талантливого мужа стали наконец-то складываться отношения с театром. Его пьесы начали заказывать, ставить, на них шли. В доме начали появляться деньги. Булгаков был счастлив. На Большой Пироговской он начал писать «Бег» и в образе Серафимы Корзухиной вывел ее – Любовь Белозерскую.

«Бег», как отмечают булгаковеды, – не просто пьеса. Это зашифрованная формула о грядущем мира. То, что сдвинулась земная ось, он чувствовал всеми фибрами души. И его роман о дьяволе начался еще с «Бега». Дьявол был уже в мире, и по сей день в нем *(а сейчас, кажется, вообще разгулялся – Л.Б.)*.

Невиданный триумф «Дней Турбиных» на сцене. Зрители не могут справиться с эмоциями, аплодируют стоя. А в печати – разгромные рецензии. Нарком просвещения Анатолий Луначарский лично распорядился раздавить «мелкобуржуазное отродье». Обыск в квартире, изъятие текста «Собачьего сердца» и «Дневника». Пьеса «Бег» запрещена к постановке в стране.

Известно, что примерно в 1928 году, то есть через год после того, как Булгаков поселился на Большой Пироговской, он начал писать то, что впоследствии станет романом «Мастер и Маргарита». У романа было много разных названий в те годы, в том числе и «Копыто инженера», но точно одно: сам Булгаков называл его всегда романом о дьяволе.

Первую редакцию романа Булгаков сам разорвал и частично сжег, о чем написал Советскому Правительству.

«Запрещены спектакли «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров». Все мои пьесы запрещены к представлению в СССР. И беллетристической ни одной моей строки не напечатают. В 1929 году совершилось мое писательское уничижение. Я сделал последнее усилие и подал правительству СССР заявление, в котором прошу правительство меня с женой выпустить за границу на любой срок. Вокруг меня уже ползет темной змейкой слух, что я обречен во всех смыслах» (из дневника).

В биографии его было действительно немало мистических совпадений. Взять хотя бы его телефонный разговор со Сталиным, состоявшийся 18 апреля 1930 года, случился он в пятницу Страстной недели. И для Булгакова, и для Сталина это был день далеко не случайный (один родился в семье профессора духовной академии, другой учился в духовной семинарии).

Во время разговора Булгакова охватила сильная робость, как он сам вспоминал. Сталин задал ему вопрос: «А что, может быть, правда, отпустить вас за границу? Что, очень мы вам надоели?». Булгаков понял по тону, как нужно ответить, и сказал, что русский писатель не может жить за границей и т.д.

В первой редакции романа ни Мастера, ни Маргариты еще не было. А дьявол уже был. И многие герои и обстоятельства уже прописаны в сценарии жизни.

Но был ли Булгаков тем самым Мастером, которого изобразил?.. Скорее всего, нет. Он не был таким уж чистым, невинным художником, которого не интересовало ничего, кроме творчества. Который наивно окунулся в мир литературы и удивился тем жестоким нравам, которые там царят.

Предположить, что Мастер будет писать письма правительству, что он будет ходить на приемы в американское посольство, требовать каких-то гонораров, трудно. В Булгакове была, безусловно, душа Мастера, но при этом он был, в отличие от своего героя, довольно практичным человеком.

Московская жизнь научила его цепляться, вгрызаться, добиваться своего, и тот путь, который писатель прожил, прежде чем обрел относительное благополучие, Мастер получил буквально волшебным образом. Булгаков силой своего дара подарил ему чудесный подвальчик, в котором можно творить, не задумываясь ни о чем.

Разумеется, такому Мастеру, в которого его превратила жизнь, нужна была спутница, которая не чуралась бы никаких превращений. Каждый выбирает по себе: женщину, религию, дорогу...

Маргарита не гнушается ничем, идет на все, и их дуэт с Мастером поднимается над временем.

Сильная женщина у писателя уже была.

Теперь ему нужна была сильная женщина, обладающая сверхъестественными возможностями.

Время наступало совсем уже странное, разуму не поддавалось.

Из хорошей квартиры на Большой Пироговской и из жизни Любви Евгеньевны Булгаков удалился в 1932 году.

Его третьей женой стала неслышимая Елена Сергеевна Шиловская, муза и ведьма, готовая за любимого продать душу дьяволу. Все, как он хотел.

Елена Сергеевна до встречи с Михаилом Булгаковым была замужем за Евгением Шиловским, офицером генерального штаба. Жила в генеральском доме, с пайком, со всем довольствием.

И вот в один момент она бросает это все благополучие, чтобы уйти к не очень здоровому, бедному, не очень перспективному в то время автору. И еще неизвестно, что ей было делать с детьми, двумя сыновьями.

Это можно было объяснить только слепой любовью. Ну, или неземной...

Есть старинная поговорка: первая жена от Бога, вторая от людей, третья – от дьявола...

Многие говорили, что в Елене Сергеевне были мистические черты. Но иной женщины и не могло быть рядом с человеком, который уже боялся выходить на улицу, страшился перейти дорогу. Жизнь так здорово потрепала его, что жить рядом с ним было немалым мужеством.

Роман жизненный и роман литературный развивались параллельно. Елена Сергеевна писала, что когда они впервые встретились с Михаилом Афанасьевичем, на ней была кофточка с завязочками на локтях. Они развязались, и она попросила его завязать их. Когда он выполнил ее просьбу, она сказала: «Ну, вот я и привязала тебя к себе».

Она привязала его к себе на 8 совместных лет на этом свете. И навсегда.

Дальше был огромный и долгий конфликт со МХАТом, когда его пьесу «Мольер» репетировали четыре года и в результате измучились все: и актеры, и режиссеры, и он сам. Пьесу в результате сняли через семь спектаклей. Но крови за это время было выпито немало.

Вообще он был довольно жесткий, склочный, не идущий на компромиссы человек. Выдержать его было архисложно. После очередного конфликта в театре он клятвенно пообещал себе, что не переступит порога МХАТа. И может быть, прожил бы немного больше, если бы сдержал слово.

Но театр – как сладкий яд, как наркотик. Раз впустивши его в душу, не избавишься никогда...

«Этот мир – мой. Только здесь можно умереть и родиться заново». Так писал о театре Булгаков.

Но вот еще одна мистика Булгакова. Будучи изумительным, востребованным театральным автором, он почти никогда не находил адекватного воплощения своих произведений на сцене. И в кино тоже. Каким-то загадочным образом его работы, такие сценарные по сути, ускользают и не поддаются ни театральным, ни кинематографическим решениям. Это один из парадоксов Булгакова.

Режиссеры не раз рассказывали, как Елена Сергеевна являлась им во снах и предсказывала неудачи с воплощениями замыслов.

Михаил Булгаков умер 10 марта 1940 года. В том же возрасте, в котором умер его отец, и от той же болезни. Было ему всего 48 лет.

Когда он умер, то Ольга Леонардовна Книппер-Чехова написала Марии Павловне Чеховой, которая жила в Ялте: *«Вчера похоронили Мишу Булгакова. Думали о его несчастливой судьбе».* Это абсолютно точные и ясные слова, характеризующие всю жизнь Булгакова. Он был человеком с несчастливой судьбой.

У него была только одна просьба к Елене Сергеевне: *«Я тебя прошу, сделай так, чтобы мои произведения знали, чтобы они были напечатаны».*

И она дала ему слово. Ни один человек тогда не верил, что это будет возможно, но спутница-ведьма сохранила все, что он написал и все это передала в будущее.

Но мистика или мистификация и после смерти не отпускает Булгакова.

В декабре 2008 года в газете «Известия» была напечатана статья о том, что не было никакой загадочной истории с появлением журналиста у могилы Булгакова и с денежным переводом ему по завещанию Булгакова. Потому что и завещания-то никакого, по сути, Булгаков не оставил.

Однако катер-то существует! И экскурсии по сей день намозоленными языками рассказывают историю о появлении журналиста на кладбище и о нежданном денежном призе, выпавшем ему.

А в общем-то все это – абсолютно в духе Булгакова. Все как он и хотел! Его читают, о нем рассуждают и спорят. Он не забыт. И даже мистика – продолжается!!!

Вместо послесловия. Несколько лет назад я смотрела передачу о прекрасном артисте – Богдане Ступке, светлая ему память. Меня поразили его слова о Булгакове. Артист рассказал, как собирался ставить в театре спектакль по «Мастеру и Маргарите». Работа почему-то его не устраивала, и Ступка, взяв отпуск, уехал в деревню навестить мать.

Его мать была простой сельской женщиной, Булгакова она не читала. Но вещим материнским сердцем поняла, что ее ребенка что-то гложет и попросила рассказать все, как есть, что Богдан Ступка и сделал. И слова матери его потрясли. Она выслушала все внимательно о «Мастере и Маргарите», а потом вдруг спросила: «Как умер этот человек?», имея в виду Булгакова. Ступка ответил, что очень тяжело. Он перед смертью ослеп, страшно исхудал, любое движение причиняло ему боль.

Мать задумалась и отчего-то сокрушенно покачала головой. Ступка спросил у нее, в чем дело. «Понимаешь, – медленно ответила мать, – этот человек хотел создать свое Евангелие. Ему не нравилось то, которое есть, и он хотел создать свое. А этого нельзя делать».

Артист был потрясен этими словами. И в этот момент, по его признанию, ему стал пронзительно понятен и сам роман, и судьба его автора...

Но жизнь не была бы так многогранна и интересна, если бы в ней не было таких судеб...

При написании эссе использованы «Дневники» Е.С.Булгаковой, воспоминания современников о Булгакове, его собственные произведения и материалы из интернета. Автор приносит огромную благодарность за предоставленные материалы.

Выловленный таинственной сетью

28 мая этого года исполнилось 135 лет со дня рождения Владислава Ходасевича, поэта Серебряного века, чья муза словно прилетела из века Золотого, настолько его стихи прозрачны и классичны по форме, глубоки и трагичны по смыслу.

*Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.*

*Довольный малым, созерцаю
То, что дает нещедрый рок:
Вяз, прислонившийся к сараю,
Покрытый лесом бугорок...*

*Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду,
Но сам стригу кусты сирени
Вокруг террасы и в саду.*

Горестное позднее признание Владислава Ходасевича. Так ли это? На этот вопрос может ответить только сам поэт.

В одном из последних стихотворений – «Памятник», которое отсылает нас к Пушкину, Державину, и даже к шотландской королеве Марии Стюарт (ее образ еще промелькнет в его поэзии, на гербе королевы было выгравировано «*En ma fin est mon commencement*» – «В моем конце мое начало»), Ходасевич писал:

*Во мне конец, во мне начало.
Мной совершённое так мало!
Но всё ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.*

*В России новой, но великой,
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...*

Двуликий идол... Памятника Ходасевичу до сих пор нет. Но то, что он сделал, является действительно настоящим памятником.

К Ходасевичу относились по-разному. Как, в сущности, и к любому человеку, к любому поэту. Пред ним преклонялись, считая самым значительным русским поэтом после Блока и Иннокентия Анненского. Наследником Пушкина и Тютчева считал его Набоков. И – самым значительным поэтом 20-го столетия. В пору непродолжительной дружбы с Ходасевичем Максим Горький называл его последним поэтом-классиком. Бунин, при всей его желчности и сдержанности, говорил о Ходасевиче: *«Один из немногих настоящих, не чета нынешним»*.

Ходасевич написал немного. При жизни вышло всего 4 тонких сборника его стихов. Первый – «Молодость» – в 1902 году; в 1914 году – вторая тоненькая книжечка – «Счастливый домик». И в самом начале 20-х годов в Москве и Петрограде – две его последние книги – «Тяжелая лира» и «Путем зерна».

В эмиграции он написал очень мало стихотворений – только цикл «Европейская ночь». С середины 20-х годов до последних дней он замолчал как лирик, хотя активно выступал как литературный критик и публицист, эссеист, мемуарист, как одна из значимых личностей в литературе русского зарубежья.

Владислав Фелицианович Ходасевич родился в мае 1886 года в Москве. С этим городом связана почти вся его российская жизнь. Его отец – польский дворянин, художник-фотограф Фелициан Ходасевич, мать – еврейка, Софья Яковлевна Брахман. И он всю жизнь остро переживал свое некоторое изгойство в России, то, что он называл чувством пасынка, хотя безмерно любил Россию, любил ее в самые страшные времена, в революцию и гражданскую войну, во времена потоков крови, когда стирались, кажется, все человеческие чувства. Он любил ее мучительно и сильно и тогда, когда тогда одиноко скитался по Европе, и когда страшно нищенствовал во Франции. Он без всякой ностальгии вспоминал такую-сякую немазаную-сухую Родину, но всегда необыкновенную и прекрасную нынче, как и во все времена.

«Один из драгоценнейших русских поэтов», – произнес Ходасевич над прахом Блока в 1921 году. Можно сказать, что тень блоковской поэзии накрыла и Ходасевича, настолько перекликаются их лирические голоса. Как Блок некогда восклицал: *«Да, и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне»*, так и у Ходасевича была необыкновенная верность Родине.

Его вынянчила и воспитала няня, тульская крестьянка Елена Кузина. Владислав, шестой по счету ребенок у родителей, был очень болезненным. Сразу после рождения у него стала расти опухоль на языке, из-за чего он не мог нормально есть. Кормилицы одна за другой отказывались от младенца, говоря: «Он все равно не жилец». И только Елене Кузиной выпала доля выводить будущего поэта, став для него не только кормилицей, но, в первую очередь, источником любви и ласки, все заставляющего милосердия, в которых больше всего нуждается человек.

Ради маленького Влади ей пришлось пожертвовать собственным ребенком: она сдала его в воспитательный дом, где он вскоре умер. Впоследствии Ходасевич с горечью писал: *«Мое существование стоило жизни другому живому существу»*.

Елена Кузина... Арина Родионовна конца 19-го века. Своеобразная переключка времен. В конце 18-го века и начале 19-го Арина Родионовна вынянчила маленького Сашу Пушкина. Спустя почти век история повторилась – уже с другим поэтом.

И в пору расцвета своего поэтического дара Ходасевич написал стихи, обращенные к няне. Потрясающе пронзительные строки, своеобразное признание в любви и к няне, и через нее – к Родине:

*Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.*

*Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жемчужной
То пряник вяземский, то мятного коня.*

*Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно всё:
И материнство горькое свое,
И просто всё, что дорого ей было.*

*Лишь раз, когда упал я из окна,
Но встал живой (как помню этот день я!),
Грошовую свечу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.*

*И вот, Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.*

*В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
Которому служу я каждый миг,
Учитель мой – твой чудотворный гений,
И поприще – волшебный твой язык.*

*И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивней берегу...*

*Года бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,
Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мне прибежище одно:*

*Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.*

Какой необыкновенный, страшный, сильный образ: **«на сердце, съеденном червями»**. И сразу же душа устремляется в бессмертную вечность: **«Любовь ко мне нетленно затая»**.

Как тут не вспомнить изречение апостола Павла: *«Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут и знание упразднится»*. Это верно. Любовь никогда не перестает, если она любовь...

Совсем юным он познакомился и близко сошелся со многими видными писателями-символистами – с Бальмонтом, Белым, Брюсовым, многими другими. Он пребывает в центре культурной жизни Москвы конца XIX – начала XX века.

В 1921 году он переехал в Петроград, где, как он заметил, – «настоящая литература». Блок, Сологуб, Ахматова, Гумилев.

И две его книги – «Путем зерна» и «Тяжелая лира» – знаменовали рождение нового большого поэта. Поэта огромного, трагического, философского дара, воспринимавшего мир в графических черно-белых чертах, в некоей загадочной светотени, которая рождает контрасты, равные контрастам века, контрастам души. А душа – это сквозная тема в поэзии Ходасевича. И еще – чувство ухода. Оно словно пронизывает все его поэтическое творчество.

Определить его манеру трудно.

Присутствие в стихах одухотворяющей прозы – «и каждый стих таща сквозь прозу,/ вывихивая каждую строку,/ привил-таки классическую розу/ советскому дичку». И в другом стихотворении: «Полюбил я прозу в стихах и в жизни». Не прозу как искусство повествования, а горькую печаль существования человечества вообще.

В конце 1900-х годов он женился на эксцентрической красавице Марии Рындиной. Затем второй брак – на Анне Ивановне Чулковой, родной сестре поэта и критика, близкого символистам, Георгия Чулкова.

И, наконец, в Петрограде начинается самая мучительная и самая прекрасная страница его жизни. Любовь к Нине Николаевне Берберовой, тогда совсем еще юной, начинающей поэтессе гумилевского круга. С ней он проживет почти до середины 30-х годов.

И даже когда они расстались (разрыв был тяжелым, болезненным), он пошел уже с новой своей женой, Ольгой Марголиной, смотреть фильм «Мария Стюарт», где главную роль исполняла очень известная тогда актриса Кэтрин Хепберн. Нина Берберова была очень похожа на нее. И вот, вспоминая ее, Ходасевич написал, придя домой, коротенькое стихотворение, полужутливое, очень простое, но невероятно щемящее:

*Нет, не шотландской королевой
Ты умирала для меня:
Иного, памятного дня,
Иного, близкого напева
Ты в сердце оживила след.
Он промелькнул, его уж нет.
Но за минутное господство
Над озаренною душой,
За умиление, за сходство –
Будь счастлива! Господь с тобой.*

Это поэт отчаяния. Потому что люди и время не давали оснований для других чувств и мыслей. Но это отчаяние не то, которое любит и упивается собственным страданием, а героическое. Твердо придерживающееся своих принципов, но при этом сознающее, что мир расколот, раздавлен и никогда уже не будет прежним.

*Мне каждый звук терзает слух,
И каждый луч глазам несносен.
Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен.*

*Прорежется – и сбросит прочь
Изношенную оболочку.
Тысячеокий – канет в ночь,
Не в эту серенькую ночку.*

*А я останусь тут лежать –
Банкир, заколотый апашем, –
Руками рану зажимать,
Кричать и биться в мире вашем.*

Он никогда не опускался до горестных сведений счетов с эпохой, в которой ему выпало жить.

Времена действительно не выбирают. Хотя – «жестокий век – палач и вор достигли славы легендарной». Время – палач и вор. Так до Ходасевича не называл свою эпоху, кажется, никто.

Он покинул Россию с советским паспортом, не собираясь, в общем-то, покидать ее навсегда.

В Берлине собрался весь русский литературный Олимп – и Андрей Белый, и Алексей Ремизов, Павел Муратов и Алексей Толстой, наезжали и Есенин, и Маяковский – все в уверенности, что они скоро вернутся на Родину, что разлука их с нею временна, и не может быть так, чтобы они не вернулись, потому что без России жизни и творчества им нет.

Но судьба распорядилась по-другому. С середины 20-х годов и до конца дней – жизнь во Франции. На Родину он так и не вернулся. Жизнь очень тяжелая, безысходная, хотя именно в это время к нему приходит так называемое признание.

В это время Ходасевич уже практически стихов не пишет. Он выступает преимущественно как литературный критик.

И можно сказать, что это один из лучших литературных русских критиков 20-го века. Он писал о писателях старых или старинных, об авторах 18-го и 19-го веков. Он писал о Пушкине, о Державине, которого боготворил. Его книга о Державине – это настоящая ода любви к этому поэту.

Когда он писал о своих современниках по изгнанию – от Бунина, Гиппиус, Мережковского до только что вступающих в литературу, когда он писал о советских авторах, то все это было прекрасно. В статьях своих он был предельно честен: хорошее называл хорошим, дурное – дурным.

В 1927 году в приложении к лучшему эмигрантскому русскому журналу «Современные записки» вышел сборник его избранных стихов, в основном, состоящий из произведений, написанных в России. И в этот же сборник вошло стихотворение «Европейская ночь», написанное уже в эмиграции.

Название неслучайное. Это стихи о той ночи, которая опускается и накрывает своими крылами человеческую душу. Не было еще никакого фашизма, Гитлер еще не пришел к власти, социальные катаклизмы еще не так сильно терзали мир, а Ходасевич уже это увидел, прозрел, почувствовал.

В Берлине, в Праге, в Париже – всеобщее одичание и разобщенность. Он писал о всевластии мещанина сытого и голодного, которому не нужны крылья и не нужна мечта о высоком.

*Всю неделю над мелкой поживой
Задыхаться, тощать и дрожать,
По субботам с женой некрасивой,
Над бокалом, обнявшись, дремать,*

*В воскресенье на чахлую траву
Ехать в поезде, плед разложить,
И опять задремать, и забаву
Каждый раз в этом всем находить,*

*И обратно тащить на квартиру
Этот плед, и жену, и пиджак,
И ни разу по пледу и миру
Кулаком не ударить вот так, –*

*О, в таком непреложном законе,
В заповедном смиренье таком
Пузырьки только могут в сифоне –
Вверх и вверх, пузырек с пузырьком.*

Как же это созвучно с блоковским:

*Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!
Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, –
Я верю: то бог меня снегом занес,
То выюга меня целовала!*

В стихах Ходасевича проза жизни действительно является одухотворяющим началом. Она рождает поэзию, она ее пестует и вечно существует в ней. Мир не внушал надежд, не внушал радости и счастья, отдушина была только в поэзии.

Набоков когда-то заметил, что в Ходасевиче, помимо всего прочего, заключена была какая-то «глубокая и подлинная непродажность». В начале 20-го века это качество стало одним из самых редких человеческих достоинств.

Его не очаровала Европа – асфальт, бетон и бешеный ритм больших индустриальных городов. Его родиной была русская поэзия. Он об этом сам говорил, писал не раз. В 1924 году он пишет одно из самых прославленных своих произведений «Перед зеркалом». В самом названии есть уже что-то мистическое, мир в иной ирреальной плоскости. Оно несет подлинный образ человека, но при этом чуть искажает его, просто потому, что работают определенные законы физики – отражения и статики. А «в мире, – как говорил очень уважаемый Ходасевичем мыслитель и священник Павел Флоренский, – то, что создано руками человека, то блестит, потому что отражает чужой свет. То, что создано Богом – мерцает».

Стихотворение «Перед зеркалом» – поистине мерцающая вещь. Эпиграф из «Божественной комедии» Данте: «Земную жизнь пройдя до половины».

В стихотворении, как в зеркале, отразилась вся жизнь: Москва, детство, юность, – и нынешнее безрадостное существование, нищие парижские мансарды, голод, слабое здоровье и величие человеческого духа над зыбкой собственной плотью.

*Я, я, я! Что за дикое слово!
Неужели вон тот – это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?
Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, –
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?
Впрочем – так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины – к причине,
А глядишь – заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.
Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Вергилия нет за плечами, –
Только есть одиночество – в раме
Говорящего правду стекла.*

Владислав Фелицианович Ходасевич умер 14 июня в Париже после операции. Долго не могли определить болезнь, но, как писала Нина Берберова в книге «Курсив мой», – «подозревали рак кишечника».

Он так и не успел написать биографическую книгу о Пушкине, чувствовал себя уже очень плохо. «Теперь и на этом, как и на стихах, я поставил крест. Теперь у меня нет ничего», – писал он в одном из писем той поры.

*Уж волосы седые на висках
Я прядью черной прикрываю,
И замирает сердце, как в тисках,
От лишнего стакана чаю.*

*Уж тяжелы мне долгие труды,
И не таят очарованья
Ни знаний слишком пряные плоды,
Ни женщин душные лобзанья.*

*С холодностью взираю я теперь
На скуку славы предстоящей...
Зато слова: цветок, ребенок, зверь –
Приходят на уста всё чаще.*

*Рассеянно я слушаю порой
Поэтов праздные бряцанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастанье.*

Похоронен Владислав Ходасевич в Париже, на кладбище Булонь-Биянкур.

Его вдову, Ольгу Борисовну, ожидала страшная участь. Во время оккупации Франции она, как еврейка, была направлена в концлагерь и погибла в Освенциме 14 сентября 1942 года.

Детей у Ходасевича не было. Но всю жизнь он питал удивительную нежность к котам, видно, чувствуя в свободолюбии и обособленности этих зверей нечто близкое собственной душе.

Говорят, что первым словом, которое произнес Владислав, было «Кы-ся-я». Не папа и мама, а именно «кыся». Старшая сестра катала коляску с ним, и вдруг дети увидели кошку. Маленький Владя даже приподнялся в коляске и сказал, слово выдохнул: «Кы-ся-я!!!» Так велико было его изумление.

Кошки сопровождали его всю жизнь. Они жили рядом с ним, сменялись, запечатлевались вместе с ним на фото. Но самыми дорогими были для него кот Наль, а до этого верный друг – Мурр. Именно ему, названному в честь гофмановского персонажа, Владислав Ходасевич посвятил одно из самых пронзительных и нежных своих стихотворений, каждая строчка которого дышит любовью. А любовь, как известно, никогда не перестает...

*В забавах был так мудр и в мудрости забавен –
Друг утешительный и вдохновитель мой!
Теперь он в тех садах, за огненной рекой,
Где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин.*

*О, хороши сады за огненной рекой,
Где черни подлой нет, где в благодатной лени
Вкушают вечности заслуженный покой
Поэтов и зверей возлюбленные тени!*

*Когда ж и я туда? Ускорить не хочу
Мой срок, положенный земному лихолетью,
Но к тем, кто выловлен таинственную сетью,
Всё чаще я мечтой приверженной лечу.*

Примечание: При написании эссе использованы произведения В.Ходасевича и А.Блока, материалы из воспоминаний о Владиславе Ходасевиче, мемуаров Нины Берберовой «Курсив мой» и материалов из интернета. Автор выражает благодарность за предоставленные материалы.